

Современное обозрѣніе.

„Злоба дня“ — охотничьи законы, ждемъ измѣненій. Насколько оправдаются наши ожиданія — „покрыто еще мракомъ неизвѣстности“. Знаемъ, что въ Петербургѣ есть Коммиссія, пересматривающая охотничьи законы. А ждутъ охотники очень многого....

Столичные охотники ждутъ позволенія стрѣлять браконьеровъ; ужъ очень ихъ соблазняютъ нѣмецкіе законы. Положимъ, что по всей вѣроятности расправляться съ браконьерами такимъ простымъ способомъ не позволятъ, ибо „у насъ“, слава Богу, не нѣмецчина, но что поприжать браконьеровъ не мѣшало-бы, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, *идѣ охота запрещена спеціально*, — это не подлежитъ сомнѣнію, и совершенно правъ г. С. В. Безобразовъ, находя, что штрафъ „до 25 р.“ малъ и не достигаетъ цѣли. Штрафъ-то штрафомъ, для *перваго раза*, а вотъ *рецидивиста* не мѣшало-бы сажать въ кутузку, такъ, недѣльки на три — четыре. Нелишнее было-бы обратить *особое вниманіе* на нарушителей охотничьихъ законовъ изъ разныхъ *власть имѣющихъ* лицъ, состоящихъ на казенной или общественной службѣ. Примѣръ такихъ беззаконниковъ очень способствуетъ развитію браконьерства въ необразованной массѣ. Частенько таки теперь приходится слышать отъ мужиковъ: „самъ мировой судья до Петрова дня утокъ бьетъ“. „Потому нонече въ этихъ мѣстахъ тетеревиныхъ выводокъ нѣтъ, что около Иванова дня здѣсь слѣдствіе было, такъ *слѣдователь* тетерокъ перебилъ, а тетеревятки малы были, знать безъ матокъ-то подошли“. „Почему жъ намъ лосей не бить? Лѣтось *послѣ Евдокій* самъ *лѣсничій* охоту устроилъ.... *Лѣсничій-то* не убилъ, а съ нимъ *мировой* былъ, тотъ корову большущую убилъ; изъ нея и теленка вынули, ужъ большого! Чтожъ намъ то по настамъ не бить?“ „Услыхалъ я нонече по веснѣ, — на рѣкѣ кто-то бухаетъ! Я и снялся туда бѣжать, хотѣлъ ружье отобрать, потому нѣтъ закону по веснѣ утей стрѣлять. Погляжу, а это *самъ становой* утей бьетъ и *урядникъ* съ нимъ.... Какъ рывкнетъ онъ на меня, а *урядникъ* за мной, знать *побить хотѣлъ*, насилу ушелъ“.

Красивыя картинки? — Это не мои измышленія, а факты.

И за что-же *особенно-то* карать какого-нибудь Матвѣя или Еремилу, когда они беззаконничаютъ, если „ихъ благородія“ и „высокоблагородія“ беззаконничаютъ *осмысленно*, беззаконничаютъ *сознательно*, зная и надѣясь на то, что ихъ, какъ высшихъ властей въ уѣздной іерархіи, никто тронуть не посмѣетъ.

Наказанія болѣе или менѣе тяжкія, смотря *по сословію* преступника,—въ русскомъ законодательствѣ вещь не новая: если украдетъ Матвѣй въ зипунѣ, то его просто сажаютъ въ кутузку: если украдетъ „его благородіе“, то его лишаютъ „нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ“ и тоже сажаютъ въ кутузку. Вещь вполнѣ раціональная. Почему бы ту-же мысль не примѣнить къ „ихъ благородіямъ“ за беззаконничанія относительно охоты? Хотя бы напр. въ такой формѣ: „уличенный въ поступкахъ противъ постановленій относительно охоты мировой судья, членъ управы или иное лицо, служащее по общественнымъ выборамъ, смѣняется *административнымъ* порядкомъ и лишается права въпродолженіи (такого-то) времени быть вновь избраннымъ на общественную должность“. Относительно лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, устроиться было-бы еще проще, на основаніи выраженія:—„по шапкѣ“....

Дѣйствіе было-бы волшебное!

Въ самомъ дѣлѣ, почему требовать отъ Матвѣя въ зипунѣ соблюденія извѣстныхъ постановленій, когда „ихъ благородія“, которымъ слѣдуетъ наблюдать исполненіе этихъ законныхъ постановленій, подаютъ примѣръ къ ихъ безнаказанному нарушенію? Пожалуй, что Матвѣй-то, хотя и браконьеръ, но ужъ совсѣмъ не такъ заслуживаетъ *сильной* кары.

Но что тутъ разсуждать о „карахъ“, а вотъ никто не поговорить о важномъ вопросѣ:—кто будетъ *впредь* наблюдать, чтобы какія-либо кары *примѣнялись*, а не существовали бы, какъ по сіе время, только на бумагѣ. Я не говорю о мѣстностяхъ около столицъ; тамъ давно уже „на иностранный ладъ“: всѣ охотничьи мѣста сняты, имѣется много сторожей и егерей. Но вообще-то, въ деревняхъ и безконечныхъ, привольныхъ пространствахъ нашей матушки Россіи? Вѣдь мало написать законы, надо имѣть силу и умѣніе заставить имъ подчиниться и ихъ уважать.

Думаю, что это просто-на-просто *невыполнимо*.

Если будутъ новые и болѣе строгіе законы, то мы, извѣстная *только* часть интеллигентныхъ охотниковъ, по нашей доброй волѣ, по сознанію долга, подчинимся имъ и свято ихъ исполнимъ,—*poblessé oblige*. Ну, а кто этого не захочетъ исполнять?

А что жъ съ нимъ подѣлаешь,—не драться же съ нимъ! Кто же захочетъ подражать Донъ-Кихоту и заниматься „битвами русскихъ съ кабардинцами“, то-есть связываться съ мужланами изъ любви къ искусству? А специально охотничью стражу не заведутъ повсемѣстно,

это рано еще, пространства такъ громадны, что нужна для того цѣлая армія, которую набрать не хитро, но вѣдь надо жалованье платить....?

Правда, до нѣкоторой степени можно обойтись и безъ спеціальной стражи, — именно предоставить извѣстную часть штрафа въ пользу открывателя. Но, какъ это кажется ни просто, а на дѣлѣ такое средство никогда не достигало желаемой цѣли. Акцизными законами, напр., часть штрафа предоставляется открывателю тайной винной торговли. Много-ли однако открыто *этимъ способомъ* названныхъ злоупотребленій? А вѣдь въ каждой деревнѣ тайная продажа вина процвѣтаетъ. Дѣлается въ томъ, что *фискальство* и *доносъ* не въ русской натурѣ и даже простого мужика въ этомъ отношеніи не такъ-то легко купить нѣсколькими рублями, какъ то воображаютъ нѣкоторые столичные прожектеры «изъ нѣмцевъ».

Въ виду перечисленныхъ затрудненій къ приведенію къ строгому выполненію законовъ объ охотѣ, какъ смѣшны кажутся намъ, настоящимъ провинціальнымъ охотникамъ, не по наслышкѣ только знакомымъ съ провинціальными порядками, строжайшіе прожекты гг. спортсменовъ.

Въ виду такого нашего близкаго знакомства съ провинціальными порядками, съ народными взглядами и понятіями, намъ хотѣлось-бы отъ новыхъ законовъ весьма немногаго, а именно, чтобы *на право охоты были выдаваемы билеты* и никакъ не дорогіе, въ 25 р., какъ предлагалъ столичный прожектёръ, а такъ въ 2—3 р. с.

Билетъ въ 2—3 р. с. возьметъ и мужикъ, и мѣщанинъ, — такая сумма каждому *страстному* охотнику по карману, но если билетъ будетъ стоить 25 р., то всѣ страстные охотники изъ мужиковъ, мѣщанъ и проч., *по необходимости* сдѣлаются браконьерами, и браконьерами, съ которыми сладить будетъ трудненько... Охотниковъ-же *легальныхъ* за 2—3 р. будетъ много, и браконьерствовать будетъ лишь такая дрянь, съ которой *изъ-за собственнаго интереса* легальные охотники въ большинствѣ случаевъ не поцеремонятся... — на разные лады, съ здоровымъ русскимъ подзатыльникомъ включительно.

Но по поводу охотничьихъ билетовъ есть и еще небольшое желаніе: — чтобы билеты эти выдавались *отъ казны*, а не отъ земствъ. Охотниковъ сравнительно съ населеніемъ *очень немного*, и каждому отдѣльно взятому земству *доходъ* отъ выдачи охотничьихъ билетовъ *будетъ ничтожный*....

Мода—собачье бѣшенство и леченіе Пастёра.

«Не могу сказать, насколько научна эта метода», но знаю, что *теорія* очень старинная и... чисто русская; *теорія* такого излеченія, не только отъ бѣшенства, но и отъ всевозможныхъ болѣзней изстари примѣняется «у насъ» знахарями и знахарками, и *система* такого излеченія носитъ даже техническое названіе: «*Клинъ клиномъ вышибай!*»

«У насъ» доморощенные лекаря для леченія по этой системѣ употребляютъ грубые средства: собачья шерсть, собачья кровь, лошадиное кало, мышьякъ, сулема, ртуть, перцовка. «Не у насъ», а у французовъ, согласно ихъ болѣе изящному характеру и тонкому вкусу, потребовалась *спринцовка* и вдобавокъ еще *бульонъ*.

Говорятъ и пишутъ, что Пастеръ со своимъ бульономъ и спринцовкой приноситъ несомнѣнную пользу французамъ, нѣмцамъ, испанцамъ и прочимъ западнымъ инородцамъ. Но «у насъ», къ сожалѣнію, упустили изъ виду мудрое изреченіе: «Что русскому здорово, — то нѣмцу смерти!» Въ силу простой логики, должно быть справедливо и обратное. Да оно и есть справедливо,—примѣры недалеко: мало-ли что ѣдятъ французы и проч., а насъ съ того-же тошнить неукоснительно. Мою одну тетушку, оттого что она отвѣдала вареныхъ лягушекъ, тошнило всю дорогу отъ Парижа до Москвы и только отслуживъ молебень у Николы Блаженнаго, она отъ тошноты избавилась.

Упустивъ изъ виду приведенное *коренное правило*, «у насъ» всеѣмъ сбились съ толку. Во-первыхъ *на земскій счетъ* начались поѣздки въ Парижъ, не только земскихъ докторовъ, но и предсѣдателей управъ, членовъ управъ и «земскихъ воротилъ». Получались этими *земскими путешественниками* прогонныя, суточные и проч., а также и жалованье по штату...—*Идиллія!!*

Все возвращались въ восхищеніи отъ Парижа. Трогательно было слушать ихъ рассказы о лечебницѣ, бульонѣ и спринцовкѣ Пастера. Нѣкоторые даже въ газетахъ очень милые рассказы написали. Но тѣмъ не менѣе, русскіе обыватели, которыхъ Пастеръ полечилъ по своей системѣ, бульономъ и спринцовкой, все-таки перебѣсились въ значительномъ числѣ. Такъ что даже самъ г. Пастеръ, доселѣ незнакомый съ кореннымъ правиломъ:—«что русскому здорово,—то нѣмцу смерть», усомнился въ раціональности бульона и спринцовки въ примѣненіи къ русскимъ, выразивъ даже мнѣніе, что тутъ нужно нѣчто посильнѣе (по русски: «*потолице* клинъ», нежели французская спринцовка и нѣчто *позабористый* бульона).

Все, однако, оказалось для насъ «тринъ-травя». Надо скорѣе открыть лечебницы со спринцовками и бульономъ! Вѣдь такъ весело ѣздить въ Парижъ *на чужой счетъ* за кроличьими мозгами! А кромѣ Парижа такихъ мозговъ негдѣ взять. Предвидятся поѣздки неоднократныя...—«Мозги протухли!» объявляетъ врачъ. Дѣлать нечего,—нечѣмъ прививать обывателямъ бѣшенство. «Вотъ вамъ прогонныя, вы будете получать 5 р. суточныхъ, и т.д.» и гайда въ развеселый городъ Парижъ, къ г. Пастеру за кроличьими мозгами или бульономъ!—Аркадія!!

Въ мозгахъ этихъ „*бактеріи*“. Все немощи происходятъ *теперь* отъ „микробовъ“ и „бактерій“. Дураковъ скоро будутъ излечивать отъ

недоумія прививкой „микробовъ“ разумности. (Это я такъ, между прочимъ).

„Бактеріологическихъ“ лечебницъ открыто „у насъ“ уже нѣсколько. Вообще это „дѣло“ идетъ успѣшно. Лечение производится вообще удачно, въ особенности у доктора *Гамалѣя*; рѣдкій паціентъ не почувствуетъ и не взбѣсится. Были поразительные случаи,—никогда никѣмъ неукущенные *бѣсились* отъ леченія спринцовкой. Говорятъ,—это все очень важно въ научномъ отношеніи и велика заслуга г. Пастера! Я, какъ простой смертный, судить объ такихъ высоконаучныхъ предметахъ не берусь. Но, хотя и говорятъ, что для пользы науки *похвально* и даже *должно* всемъ жертвовать, однако я нѣсколько иного на сей счетъ мнѣнія, и еслибы меня *изрызала* бѣшеная собака, я не поѣхалъ-бы ни къ самому г. Пастеру, ни тѣмъ больше къ его русскимъ послѣдователямъ, хотя „для науки“ это можетъ быть и представляло-бы нѣкоторый интересъ. Но умирать мнѣ не хочется, а слѣдовательно лучше полечиться на всякій случай баней, приточникомъ или лобазникомъ, и девять разъ изъ десяти я останусь цѣлъ, чего нельзя, повидимому, сказать о леченіи бульономъ и спринцовкой у г. доктора Гамалѣя.

Впрочемъ,—это мое личное мнѣніе; я вообще человѣкъ отсталый и никакъ не могу себѣ усвоить всей прелести бѣшенства и смерти отъ бульона и спринцовки Пастера.

Я слышалъ даже мнѣніе отъ вкисившихъ сладость путешествія въ Парижъ на земскій счетъ, что не мѣшало-бы въ Россіи ввести обязательную и поголовную прививку бѣшенства, какъ введена прививка оспы. Несомнѣнно, мнѣніе „*передовое*“. Сколько кроличьихъ мозговъ-то потребовалось-бы! Сколько путешествій въ Парижъ (на чужой счетъ) въ перспективѣ!

Итакъ мы, русскіе, должны торжествовать: наша старинная система леченія „*клинъ клиномъ вышибай*“ одобрена, хотя въ принципѣ, ученымъ мужемъ, французомъ, г. Пастеромъ! Поэтому считаю нелишнимъ сообщить недавно сообщенный мнѣ рецептъ той-же системы „*отъ чирьвы*“: 2 пригоршни свѣжаго лошадиного кала, 1 горсть бурны, полштофа водки, хлѣбальная ложка купороснаго масла. — Смѣшать и пить по зорямъ, по рюмкѣ. Для русскихъ, говорятъ, здорово, и чирья проходятъ, а французъ и нѣмецъ навѣрняка подохнуть.

А все-таки *странно*, какъ это „у насъ“ не запретятъ доктору Гамалѣю и К^о *прививать* бѣшенство *людямъ*; вообще „у насъ“ до сихъ поръ строго воспрещали употреблять *вредныя средства*.

Съ тѣхъ поръ, какъ появился г. Пастеръ съ своими бактеріями, бульономъ и спринцовкой, а „у насъ“ г. Гамалѣй и К^о съ тѣми-же атрибутами, бѣшенство усилилось. Тутъ умѣстны два предположенія: 1) На случаи бѣшенства начали больше обращать вниманія, а потому ихъ оказалось болѣе; кромѣ того, такъ какъ бѣшенство есть

вопросъ модный, то къ случаямъ бѣшенства относятся укушенія *совсемъ не бѣшеныхъ собакъ*,—вали въ кучу! 2) Усиленію въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бѣшенства способствуютъ бульонъ и спринцовки послѣдователей г. Пастера, ибо имѣются *скромныя труженики на пользу науки*, никому неизвѣстные. Людей они, положимъ не „лечать“, но надъ животными и преимущественно собаками, опыты производятся очень удачно:—*каждая собака бѣсится и бѣжить кусать себѣ подобныхъ и людей*, куда ей угодно.

Да, велика заслуга г. Пастера передъ наукой, хотя по тому *примѣру*, который онъ подаль! Онъ „указалъ путь изслѣдованій“. Какъ-бы тамъ ни было, но бѣшенство и бѣшенство! Бѣшенство-же происходитъ несомнѣнно отъ собакъ. Теперь, поэтому, несолоно хлебнувши на Пастера съ его спринцовкой, начали изыскивать средство „престычь корень зла“. Вопросъ о собакахъ обсуждается „въ земствахъ“ и городскихъ управленіяхъ. Которое изъ этихъ „самоуправленій“ окажется глупѣе, покажетъ недалекое будущее.

Судя по „преніямъ“ по собачьему вопросу и по временно примѣняемымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ правиламъ относительно собакъ, еще невозможно предсказать, за которымъ изъ „самоуправленій“ останется пальма первенства. Въ городѣ Нижнемъ-Новгородѣ городское „самоуправленіе“, по словамъ г. Н., организовало нѣчто вродѣ *денного грабежа*,—отнимаютъ собакъ у владѣльцевъ среди бѣла - дня уже нѣсколько мѣсяцевъ. Въ нѣкоторомъ земствѣ „земское воротило“ предложило рѣшить собачій вопросъ радикально,—перебить всѣхъ собакъ до одной. Впрочемъ, то-же „воротило“ однажды предложило, для прекращенія чумы на рогатомъ скотѣ,—перебить весь рогатый скотъ въ уѣздѣ, гдѣ ворочаетъ означенное „воротило“. Въ другомъ земствѣ, другое „воротило“, извѣстное туземцамъ подъ наименованіемъ „косой чучелы“, при обсужденіи *налога* на собакъ, „настояло“, чтобы налогъ былъ *по породамъ* собакъ и, между прочимъ, чтобы за гончихъ и борзыхъ платили-бы дороже, чѣмъ за другихъ.

Какъ видите, послѣднее „воротило“ опередило самого г. Пастера: сему послѣднему не было извѣстно, что гончія и борзые собаки болѣе подвержены бѣшенству, чѣмъ, напр., дворные и комнатныя, и слава такого важнаго открытія всецѣло, слѣдовательно, принадлежитъ русскому земцу...—Знай нашихъ!

Какъ видите, существованіе Императорскаго Общества размноженія промысловыхъ животныхъ виситъ на волоскѣ, ибо какъ разъ некому будетъ покровительствовать,—собакъ всѣхъ уничтожатъ два „самоуправленія“, давно уже соперничающія въ „разумности“ своихъ дѣйствій.

Впрочемъ намъ, охотникамъ, рискующимъ остаться *безъ собакъ* вѣлѣдствіе самодурствъ „самоуправленій“, остается великое утѣшеніе, утѣшеніе патріотическое:—Россія по вопросу о бѣшенствѣ впереди

всей Европы!—Во Франціи есть Пастеръ, отъ прививки котораго бѣсятся, *но не очень*; у насъ есть Гамалѣй, отъ прививки котораго бѣсятся *очень*. Кромѣ того, у насъ есть „земскія воротила“, которыя, по своимъ открытіямъ въ области бѣшенства, и бѣшенства на всѣ лады, до бѣшеннаго растрачиванья общественныхъ денегъ на самодурныя предприятия, далеко оставили позади себя всѣхъ нѣмцевъ и французовъ.

Развѣ это не утѣшительно?...

Николай Кишенскій.